

ВОСПОМИНАНИЕ О СЛУЖБѢ НА КАВКАЗѢ.

**Отрывокъ изъ записокъ офицера, служившаго въ Кавказскомъ корпусѣ
подъ начальствомъ Генерала Ермолова.**

Послѣ блистательной побѣды на берегахъ рѣки Макаса, послѣдствіемъ коей было покореніе самаго сильнѣйшаго во всемъ Дагестанѣ и воинственнаго народа Акушинскаго, былъ я командированъ, по должности моей офицера Генеральнаго Штаба, для съѣмки дороги отъ главнаго города всей области Акуши до большаго и многолюднаго селенія Мокагу и оттуда далѣе до селенія Губдена, принадлежащаго Шахмалу Тарковскому, гдѣ мнѣ и предлежало присоединиться къ отряду, находившемуся подъ личнымъ начальствомъ самого командира Кавказскаго Корпуса Генерала Ермолова, на возвратномъ пути отряда изъ Акуши на Кавказскую линію.

Конвой мой состоялъ изъ одного бывшаго при мнѣ козака, переводчика и проводника. — Правду сказать, пробхать довольно большое разстояніе по неизвѣстнымъ мѣстамъ, между дикимъ, хищнымъ народомъ, недавно только покорившимся не добровольно, а послѣ упорнаго сопротивленія, не совсѣмъ было безопасно съ конвоемъ изъ трехъ человекъ, изъ числа которыхъ могъ я, со всею благонадежностію, положиться только на одного козака; но нечего было долго разсуждать. *Алексѣй Петровичъ приказалъ, Алексѣй Петровичъ послалъ*, и безотлагательное исполненіе было всегдашнимъ послѣдствіемъ его приказаній въ Кавказскомъ корпусѣ; я нисколько не задумался о томъ, что конвой мой состоитъ изъ трехъ человекъ, притомъ же мнѣ было всего только 19 лѣтъ. Я выслушалъ словесное приказаніе и наставленіе

отъ самого главнаго начальника о всѣхъ подробностяхъ возлагаемаго на меня порученія, вскочилъ на своего коня, и окруженный многочисленнымъ конвоемъ моимъ, съ веселымъ и безпечнымъ духомъ, свойственнымъ молодости, полетѣлъ исполнять сдѣланное мнѣ порученіе.

На всемъ пространствѣ предлежавшаго мнѣ пути производилъ я съемку, такъ какъ бы среди отечества своего; много встрѣчалось мнѣ жителей, они останавливались и съ изумленіемъ смотрѣли на меня, сидѣщаго на конѣ, съ бумагою и карандашемъ, а иногда одного пышкомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ своего конвоя, но никакихъ непріязненныхъ движеній и дѣйствій съ ихъ стороны не было; они вѣроятно не понимали, для чего и почему карандашъ и бумага у меня въ рукахъ, и что именно я замѣчаю, останавливаясь на мѣстѣ, или мѣря шагами.

Такимъ образомъ, безъ всякихъ препятствій и приключеній, добхалъ я до селенія Макагу; тутъ надобно было мнѣ остановиться и произвести съемку мѣстнаго положенія селенія и окрестностей, но при самомъ въѣздѣ услышалъ крики, вопли и стоны; слѣдуя далѣе по селенію, увидѣлъ я большую толпу, собравшуюся у одного дома; почти у всѣхъ лбы были разрезаны кремнями и лица ихъ были окровавлены. Переводчикъ изъяснилъ мнѣ, что обычай въ здѣшней сторонѣ изъяслять такимъ образомъ душевную скорбь о смерти любимыхъ и близкихъ людей, окончившихъ жизнь отъ рукъ враговъ своихъ, и что окровавленные лица означаютъ клятву отмстить врагу и пролить кровь его за кровь любимаго имъ челоуѣка.

Я не останавливался ни секунды подлѣ этой толпы, и, продолжая далѣе путь мой по той же улицѣ, поручилъ проводнику узнать о причинѣ печальнаго скопища; посланный мой скоро догналъ меня и объявилъ, что вся толпа составлена изъ родственниковъ оплакиваемаго, только-что умершаго здѣшняго Кадія.

Это совсѣмъ не шутка, подумалъ я: умершій Кадій былъ самый упорный мятежникъ, онъ болѣе всѣхъ возбуж-

далъ Акушинцовъ не покоряться Россіи, соединиться и вооруженною силою сопротивляться намъ.—Я вспомнилъ, что послѣ совершеннаго пораженія на рѣкѣ Макасъ и взятія нами, съ величайшими усиліями, одинъ за другимъ, семи укрѣпленій, устроенныхъ въ ущеліяхъ и утесахъ, всѣ сопротивлявшіеся намъ Акушинцы разбѣжались, а мы, продолжая уже безпрепятственно слѣдованіе наше къ городу Акуши, узнали, что на встрѣчу къ намъ высланы всѣ старшины въ числѣ ста пятидесяти человѣкъ; между ими былъ и умершій здѣшній Кадій. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ тому, что этотъ Кадій вышелъ впередъ всѣхъ, и остановившись въ недалекомъ разстояніи отъ Корпуснаго Командира, началъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ говорить, что одержанная нами побѣда ничтожна, и что хотя потеря съ ихъ стороны довольно значительна, но для цѣлаго народа, извѣстнаго храбростію и воинственнымъ духомъ своимъ, полученная нами временная поверхность ничего не значить, что у нихъ осталось еще много войска и они могутъ не только прогнать Русскихъ, но и истребить всѣхъ до послѣдняго. — «Взгляни—» продолжалъ онъ, указывая на узкія тропинки по горамъ,— «вспомни, что это тѣ самыя мѣста, на которыхъ была разсѣяна, разбита и совсѣмъ уничтожена предками нашими, въ десять разъ могущественнѣе Русскаго Государя многочисленная армія Надиръ-Шаха, который самъ избавился отъ смерти поспѣшнымъ бѣгствомъ: такъ можетъ ли послѣ того горсть Русскихъ покорить и предписать намъ законъ?» — Глаза его блистали отъ ярости. Я былъ въ это время ближе всѣхъ къ Генералу, и опасаясь, чтобы фанатикъ, въ изступленіи своемъ отъ ярости, не бросился на него съ кинжаломъ, приготовился встрѣтить его при первомъ малѣйшемъ движеніи, и не спускалъ съ него глазъ, держа въ рукѣ пистолетъ съ взведеннымъ куркомъ; многіе изъ окружавшихъ Генерала обнажили было свои сабли, но онъ удержалъ насъ, и съ величественною, грозною осанкою своею, опершись на саблю, выслушалъ его хладнокровно, смотрѣвши прямо ему въ глаза; когда же онъ умолкнулъ, то обращаясь къ прочимъ старшинамъ, приказалъ имъ обезоружить его и взять подъ стражу,

что и было ими тотчасъ непрекословно исполнено; потомъ Генераль объяснилъ имъ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ всю важность преступленія безумца, позволившаго себѣ оскорблять священное имя Императора обширнаго, могущественнаго Государства, при вѣрноподданныхъ его и въ присутствіи главнаго Начальника надъ здѣшнею странюю; потомъ онъ настоятельно потребовалъ, чтобы этотъ дерзкій мятежникъ былъ тотчасъ ими же самими осужденъ и наказанъ. — Судъ старшинъ не долго продолжался; они сами объявили Генералу, что онъ болѣе всѣхъ причиною бѣдствій, претерпѣнныхъ соотечественниками ихъ, что онъ возбуждалъ злонамѣренными внушеніями своими къ сопротивленію и непокорности; послѣ того они схватили его, разложили на землю и такъ жестоко отодрали бывшими въ рукахъ ихъ нагайками, что онъ не могъ самъ встать; его подняли, кое-какъ усадили на лошадь и отправили домой, то есть въ здѣшнее селеніе. — Очень вѣроятно, подумалъ я, что смерть его была послѣдствіемъ претерпѣннаго имъ жестокаго наказанія, и что родственники его, должно быть, чрезвычайно ожесточились противъ Русскихъ, потому что онъ былъ подвергнутъ наказанію по настоятельному требованію нашего главнаго Начальника; извѣстно мнѣ было также и то, что духъ мщенія есть отличительная черта характера Кавказскихъ Горскихъ народовъ, словомъ: я увидѣлъ, что пріѣздъ мой былъ не весьма въ благопріятное время, и что вообще положеніе мое не совсѣмъ завидно; но какъ быть, мнѣ предстояло *bonne mine au mauvais jeu* (имѣть веселое лице при дурной игрѣ). Я сказалъ спутникамъ моимъ, козаку и переводчику, что хотя и попались мы, какъ кажется, въ порядочную западню, но не надобно показывать никакой боязни, ѣхать нашимъ путемъ точно также, какъ и прежде, но что ежели нападутъ на насъ, то не забывать, что мы имѣемъ честь принадлежать къ Кавказскому Корпусу, и должны защищаться до послѣдней капли крови.

Такимъ образомъ проѣхали мы по узкой улицѣ шагомъ, мимо толпы, среди ихъ стоновъ, плача и воплей, и слѣдовали далѣе на довольно большое разстояніе къ площади; насъ никто не останавливалъ и ни какихъ непріязненныхъ

дѣйствій не было замѣтно. — Вотъ убѣдительное доказательство, — подумалъ я, — до какой степени одержанная нами побѣда и покореніе главнаго ихъ города распространили страхъ по всей области. Однакожъ жители, предупрежденные вѣроятію о нашемъ прибытіи, собрались, съ ногъ до головы вооруженные, на площади. Болѣе тысячи человекъ нашелъ я на этой площади. День былъ довольно холодный; на плечахъ у нихъ, кромѣ обыкновеннаго Дагестанскаго одѣянія, были накинуты овчинныя шубы, очень похожія покроемъ своимъ на наши старишнія медвѣжьи винчуры, съ круглыми большими воротниками; эти шубы изъ овчинъ, иныя какъ снѣгъ бѣлыя, другія какъ смоль черныя, съ длинною вершка въ три или четыре шерстью, выющеюся правильными косичками, накинутыя на плеча вооруженныхъ горцевъ, еще болѣе выставляли ихъ выразительныя лица, и придавали имъ что-то звѣрское.

Всѣ смотрѣли на меня съ удивленіемъ и ожидали, какъ я имѣлъ все право предполагать, чтобы я объяснилъ имъ причину моего появленія. Надобно не робѣть, а дѣйствовать, сообразно съ обстоятельствами, подумалъ я, и сказалъ, чрезъ переводчика, стоявшимъ впереди прочихъ на дорогѣ моей, чтобы они пропустили меня; я вѣхалъ далѣе по площади, и остановившись по срединѣ окружавшей меня толпы, приказалъ переводчику переводить мои слова: — «Главный нашъ «Начальникъ,» — сказалъ я, — «принявъ присягу отъ всего Акушинскаго народа быть вѣрноподданными Великаго нашего «Императора, прислалъ меня къ вамъ не такъ, какъ бывшаго вашего непріятеля, а какъ сотоварища и соотечественника одного «Государства. Главный нашъ Начальникъ Генераль Ермоловъ «увѣренъ въ томъ, что вы примете меня также дружелюбно, какъ и мы Русскіе готовы принять каждаго изъ васъ. Генераль Ермоловъ (я нарочно повторялъ часто его фамилію, потому что она между Горскими народами была очень извѣстна, и одно имя его приводило въ страхъ каждаго изъ нихъ): «поручилъ мнѣ объявить вамъ, что дотѣхъ поръ, пока вы не нарушите «присяги и будете исполнять вполне обязанности вѣрноподданныхъ великаго и могущественнаго нашего Императора,

«то онъ не только будетъ ограждать права ваши, но всѣми силами будетъ содѣйствовать къ вашему благосостоянію, а вы сами знаете, что Генералъ Ермоловъ всегда въ точности исполняетъ свои обѣщанія. Сопровиженіе и непокорность ваша Русскому Государю до сего времени происходили отъ того, что вы не имѣли понятія о величій и могуществѣ великаго нашего Императора. На неизмѣримомъ пространствѣ земли Русской болѣе 60 милліоновъ разнородныхъ народовъ благоденствуютъ подъ кроткимъ, милостивымъ и милосердымъ Его скипетромъ. Онъ страшенъ только мятежникамъ и врагамъ своимъ».

Тутъ я остановился и приказалъ переводчику моему спросить у нихъ, доходили ли къ нимъ слухи о бывшемъ Императорѣ Наполеонѣ. Они отвѣчали, что слышали объ немъ.— «Слѣдовательно вамъ должно быть также извѣстно и то, — продолжалъ я, — что Наполеонъ, покоривъ почти всѣ государства цѣлой Европы, вторгнулся въ Россію съ арміею болѣе полумилліона, составленною изъ 20 разныхъ народовъ; но какое было послѣдствіе дерзкаго его покушенія, поколебать могущественную, великую Россію: вся армія его была совершенно истреблена, самъ Наполеонъ лишился престола, столица его, называемая Парижъ, была покорена и обязана сохраненіемъ своимъ единственно только великодушію нашего милосердаго Императора.—Такъ Царь Русскій караетъ своихъ враговъ.—Я желаю, чтобъ разсказъ мой, основанный на строжайшей истинѣ о паденіи Наполеона и истребленіи многочисленнаго его воинства, утверждалъ бы вашу преданность къ Россіи, и заставилъ бы cadaго изъ васъ точно также, какъ и всякаго изъ насъ, гордиться наименованіемъ вѣрно-подданнаго могущественнѣйшаго во всей вселенной Русскаго Императора.»

Они слушали меня съ безмолвнымъ вниманіемъ, и когда я, окончивъ импровизованную рѣчь мою, сказалъ имъ о намѣреніи моемъ ѣхать къ вновь избранному ими Кадію, для объявленія ему нѣкоторыхъ приказаній главнаго нашего начальника Генерала Ермолова, то они посторонились, очистили

мнѣ дорогу, и стоявшіе впереди прочихъ сказали мнѣ даже нѣсколько привѣтствій.

Кадій, предупрежденный, какъ видно было, о намѣреніи моемъ ѣхать къ нему, вышелъ самъ на встрѣчу ко мнѣ за ворота своего дома, поздравилъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ, и держалъ стремя, когда я слѣзалъ съ лошади. Потомъ повелъ въ опрятную чистую *куитскую* (гостиную) комнату, гдѣ въ каминѣ пылалъ огонь, очень пріятный на то время. Все оружіе мое, по обычаямъ страны своей, принялъ онъ отъ меня, обтеръ его и повѣсилъ на деревянные гвозди на стѣнѣ противъ меня, а самъ тотчасъ вышелъ изъ комнаты, и чрезъ нѣсколько минутъ опять возвратился, неся съ большимъ трудомъ на рукахъ своихъ огромнаго тучнаго барана, какого едва ли когда-либо сочныя, питательныя травы Кавказскихъ горъ откармливали. Хозяинъ мой, по мѣстнымъ обычаямъ своимъ, спросилъ у меня, нравится ли мнѣ этотъ баранъ, годится ли онъ для моего стола, и позволю ли я готовить изъ него обѣдъ для меня. Я поблагодарилъ его и извинился въ томъ, что надѣлалъ ему пріѣздомъ моимъ такъ много хлопотъ и безпокойствъ.—На комплименты мои и онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему не только нѣтъ ни какого безпокойства, но что онъ за большую честь себя поставляетъ успокоить и угостить меня.

Замѣтивъ, подъѣзжая къ дому Кадія, что онъ стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго видно все селеніе, я рѣшился воспользоваться свободнымъ временемъ въ ожиданіи обѣда, и отправился тотчасъ на плоскую (по общему обычаю въ той сторонѣ) крышу дома моего хозяина. Съ этой крыши представилась мнѣ удобность снять на планъ всѣ улицы, площади въ селеніи и окрестное мѣстоположеніе. Народъ продолжалъ толпиться на площади и въ особенности на улицъ около дома Кадія; замѣтно было, что смотря на меня съ бумагою и карандашемъ въ рукахъ съ какою-то недовѣрчивостію, но я уже познакомился съ ними, испыталъ какъ надобно дѣйствовать, и не обращая ни какого на нихъ вниманія, преспокойно продолжалъ и окончилъ мое

дѣло. Макагу можно уподобить нашему уѣздному городу; въ немъ было до тысячи домовъ и большое народонаселеніе.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ комнату, накрыли салфетку на коврѣ и принесли огромный деревянный лотокъ съ разными блюдами; представленныя мнѣ кушанья были не совсѣмъ вкусны для нашего брата Русскаго; одинъ только *шашлыкъ* понравился мнѣ, и я ѣлъ его съ большимъ аппетитомъ (небольшіе куски бараньяго мяса, жаренаго на вертелѣ и на всякой палочкѣ и шомполѣ, называются шашлыкъ); это самое вкусное и роскошное кушанье для военного чело-вѣка на Кавказѣ.

Между тѣмъ время шло, день склонялся къ вечеру, ѣхать мнѣ въ дальнѣйшій путь было невозможно. Я рѣшился ночевать у Кадія и просилъ его сдѣлать распоряженіе о назначеніи мнѣ двухъ или трехъ проводниковъ, предупредивъ его, чтобы они были готовы утромъ какъ можно ранѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ ему приказаніе Главно-командующаго, чтобы и онъ самъ немедленно явился къ нему.

Весь вечеръ бесѣдовалъ я съ моимъ хозяиномъ; мы сидѣли вмѣстѣ съ нимъ у камина. Онъ былъ чело-вѣкъ среднихъ лѣтъ и отъ природы весьма умный и смѣшленный; съ большимъ любопытствомъ я разспрашивалъ у него, разу-мѣется чрезъ переводчика, о всѣхъ подробностяхъ, касаю-щихся до его родины, о ихъ правленіи, нравахъ, обычаяхъ, промышленности, земледѣліи и проч. и проч. Всѣ ответы его были вполнѣ удовлетворительны; потомъ онъ самъ обра-тился ко мнѣ съ своими разспросами; я рассказалъ ему о гигантской обширности и о постепенномъ распространеніи владѣній Россіи, о множествѣ разнородныхъ народовъ, по-винующихся самодержавной власти великаго и могуществен-наго нашего Императора, о составѣ и многочисленности на-шихъ армій, о храбрости и геройскомъ духѣ Русскихъ во-иновъ, изумляющихъ всю вселенную.—Я говорилъ съ Азіат-цемъ и призналъ нужнымъ изъясняться съ нимъ нѣсколько кудрявыми и цвѣтистыми словами; къ довершенію же пред-ставленной мною ему картины величія Россіи, сказалъ я ему,

что онъ самъ долженъ согласиться въ томъ, что все народонаселеніе Акушинской области есть горсть, а земля ихъ точка, почти незамѣтная, въ нашемъ государствѣ.

Кадій слушалъ меня со вниманіемъ, и когда я окончилъ мой разсказъ, задумался, снялъ свою шапку, и признался, что распространенные между ними слухи о Россіи совершенно противоположны тому, что я говорилъ. Насъ увѣрили, сказавъ онъ, что Россія самое слабое и ничтожное государство; потомъ, помолчавъ еще недолго, спросилъ очень серьезно, смотрѣвши мнѣ прямо въ глаза, точно ли говорилъ я ему всю правду, и не нарочно ли преувеличилъ, чтобы обольстить и обмануть его. — Я еще повторилъ, что все сказанное мною есть совершенная, строжайшая истина, а чтобы, какъ ему самому, такъ и всему ихъ народу имѣть настоящее понятіе о величій и могуществѣ Россіи, то совѣтовалъ я ему испросить у главнаго начальника нашего позволеніе, послать избранныхъ имъ самимъ довѣренныхъ людей осмотрѣть только самую малую часть Россіи, то есть проѣхать изъ Акуши до Москвы и оттуда далѣе до Петербурга; по возвращеніи ихъ вы всѣ увѣритесь, что разсказанное мною совершенно справедливо, и подтвержденіе моихъ словъ — прибавилъ я — убѣдить Акушинскій народъ какъ въ величій и силѣ Русскаго Императора, также и въ томъ, что мятежническія, злонамѣренныя внушенія сопротивляться намъ могутъ подвергнуть родину ихъ неминуемой гибели.

Тѣмъ окончилась продолжительная наша бесѣда съ Кадіемъ; я бросился на приготовленный для меня мягкій пуховикъ, набитый свечьею шерстью, и вскорѣ, отъ утомленія и душевнаго волненія въ продолженіи всего дня, крѣпко заснулъ; однакожъ на самомъ разсвѣтѣ всталъ и велѣлъ сѣдлатъ коней нашихъ. Хозяинъ тотчасъ явился пожелать мнѣ добраго утра, провожалъ за ворота дома своего, и не смотря на убѣжденія мои не безнокоится и не церемонится со мною, самъ подвелъ лошадь мою, и держалъ стремя, когда я сѣдился.

Взглянувъ на назначенныхъ мнѣ проводниковъ, ожидавшихъ уже меня на коняхъ своихъ, увидѣлъ я, что вмѣсто двухъ, какъ я просилъ, ихъ было шесть человѣкъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Одинъ изъ нихъ небольшого роста, плечистый, съ безобразною, звѣрскою физіогноміею закоренѣлаго разбойника, поразилъ меня; я хотѣлъ отъ него избавиться, какъ отъ человѣка невольно вселяющаго къ себѣ отвращеніе, и обратился къ Кадію, который въ то время также садился на своего коня, чтобы ѣхать къ нашему главному Начальнику. Я сказалъ ему, что мнѣ нужно всего только два проводника, и что остальныхъ четырехъ прошу его отпустить домой; онъ отвѣчалъ мнѣ, что шесть человѣкъ назначено имъ для почести моей, и что онъ съ своей стороны также проситъ меня не нарушать ихъ обычаевъ.

Очень не хотѣлось мнѣ пускаться въ путь по неизвѣстнымъ мѣстамъ, по горамъ и ущеліямъ, въ сопровожденіи шестерыхъ новыхъ пріятелей, къ которымъ я не могъ имѣть ни какой довѣренности; слѣдовательно по числу ихъ вдвое болѣе противъ моего конвоя, предстояло мнѣ находиться во время пути въ нѣкоторой весьма непріятной отъ нихъ зависимости; но Кадій настоятельно убѣждалъ взять съ собою всѣхъ назначенныхъ имъ для меня проводниковъ, и я, не желая показать моей къ нему недовѣрчивости и подозрѣнія, простился съ нимъ, толкнулъ ногами быстрого коня своего и помчался вдоль улицы, ведущей къ выѣзду изъ селенія.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ, продолжая мою съемку, услышалъ я сзади себя весьма громкій и жаркій разговоръ; обратясь назадъ и увидѣвъ отвратительнаго моего проводника, говорящаго съ какимъ-то изступленіемъ съ переводчикомъ, я тотчасъ подъѣхалъ къ нимъ, и бросилъ грозный, выразительный взглядъ на проводника; онъ умолкнулъ и потупилъ глаза. — Переводчикъ, по сдѣланному ему мною знаку, приблизился ко мнѣ; мы поѣхали съ нимъ впередъ, и на вопросъ мой, о чемъ съ такимъ жаромъ говорилъ ему отвратительный нашъ проводникъ, отвѣчалъ мнѣ съ види-

мымъ на лицѣ безпокойствомъ , что онъ почитаетъ и его и всѣхъ его товарищей людьми опасными, замышляющими погубить насъ. Я не слишкомъ повѣрилъ заключенію его , и приказалъ разсказать мнѣ отъ слова и до слова разговоръ ихъ. «Этотъ разбойникъ говоритъ, что сильная Акушинская земля ихъ покорена не горстью пришедшихъ къ нимъ Русскихъ, которыхъ бы они могли закидать шапками, а какимъ-то непонятнымъ страхомъ , обулвшихъ храбрыхъ ихъ воиновъ, и что хотя недавно покорены они Русскими, но что они уже почитаютъ унижительнымъ для себя срамомъ носить иго ихъ. Стоитъ только одному изъ насъ,—продолжалъ онъ,—подать первый примѣръ , и весь народъ съ благодарностію послѣдуетъ за нимъ , опять оживится бодрость ихъ духа, и Русскимъ уже никогда не удастся побѣдить и вновь ихъ покорить; а каково мнѣ,—прибавилъ онъ,—смотреть на эти мѣста, гдѣ я убилъ одиннадцать человѣкъ, а теперь только трое Русскихъ ѣдутъ здѣсь, какъ властелины, и я нахожусь въ числѣ ихъ служителей; потомъ, постепенно горячась, сказалъ онъ: нѣтъ, не достанетъ у меня терпѣнія смотреть на все это хладнокровно и не отмстить кровью за неслыханную дерзость этихъ Русскихъ.» Переводчикъ окончилъ разсказъ свой убѣжденіемъ, чтобы намъ, воспользовавшись силою и быстротою коней нашихъ, тотчасъ ускакать отъ нихъ. Стыдясь даже и одной мысли, сообщенной мнѣ переводникомъ , чтобы скрыться бѣгствомъ, я грозно посмотрѣлъ на него, и, подозревая къ себѣ казака, сказалъ ему и переводчику, чтобы они смотрѣли на меня и дѣлали бы тоже, что и я. Съ этимъ словомъ бросился я съ быстротою молніи прямо на дерзкаго разбойника, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ очнуться отъ внезапнаго нападенія моего, я успѣлъ сорвать съ него ружье, пистолетъ и выхватить кинжалъ. — Казакъ и переводчикъ послѣдовали моему примѣру, и они стремглавъ бросились на двухъ проводниковъ и успѣли также ихъ обезоружить; остальные трое, ошеломленные быстрыми и внезапными дѣйствіями нашими, и увидѣвъ притомъ , что бой становится уже для нихъ неровень , повиновались приказанію моему, безпрекословно отдали свое оружіе; пистолеты и кинжалы

надѣли мы на себя, а ружья приказалъ я привязать къ нашимъ сѣдламъ; но замѣтивъ въ это время, что тотъ же злодѣй, котораго я самъ такъ внезапно обезоружилъ, смотрѣлъ на меня съ бышенствомъ и яростію въ глазахъ, и что-то ворчалъ про себя, я вновь бросился на него и далъ ему такой удачный толчекъ, что онъ упалъ съ лошади своей, шапка свалилась съ него и открыла бритый его черепъ, искаженный пятью глубокими сабельными ударами, и инныя изъ нихъ были глубже пальца. Пельзл постигнуть, какъ могъ этотъ человекъ послѣ такихъ ужасныхъ ранъ остаться живымъ, и еще притомъ сохранить умственные силы.

Всѣмъ обезоруженнымъ проводникамъ велѣлъ я ѣхать впереди, чтобы намъ удобнѣе было наблюдать за дѣйствіями и движеніями ихъ и чрезъ переводчика предупредить, что всякій изъ числа ихъ, кто осмѣлится съѣхать съ дороги, или покусится на побѣгъ, будетъ тотчасъ застрѣленъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ я переводчику растолковать имъ, что самъ Кадій ихъ и вообще всѣ старшины народа вполне уже убѣждены въ томъ, что бороться и противиться Русскимъ рѣшительно невозможно, что имъ, какъ подданнымъ Великаго нашего Государя должно напередъ знать, что законы Его преслѣдуютъ и строго наказываютъ за мятежъ, разбой и грабежи. За симъ отправились мы въ дальнѣйшій путь, идущій по узкимъ тропинкамъ чрезъ вершины и мѣста каменистыя, покрытыя лѣсомъ; я продолжалъ мою съемку, и наконецъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній, доехалъ до мѣста моего назначенія, селенія Губдахъ, владѣнія Шахмала Тарковского. Тутъ, въ ожиданіи прибытія Главнокомандующаго, приказалъ я сельскому старшинѣ взять и содержать разбойника подѣ строжайшимъ карауломъ, остальныхъ пятерыхъ проводниковъ велѣлъ отпустить домой и отдать имъ ихъ оружіе; но они со слезами убѣждали простить и помиловать сотоварища. Принявъ въ соображеніе, что самому главному Гачальнику вѣрно непріятно будетъ подвергать наказанію жителя только недавно покорившейся области, я рѣшился склониться на убѣжденія проводниковъ, и велѣлъ позвать къ себѣ содержавшагося подѣ карауломъ разбойника. — «Това-

«рищи твои со слезами просятъ меня о прощеніи и помилованіи твоёмъ,» — сказалъ я ему, — «но признайся чисто-сердечно: ты самъ простилъ ли бы меня, ежелибъ я сдѣлалъ такой же поступокъ и находился въ твоихъ рукахъ.» — «Я видѣлъ смерть уже нѣсколько разъ висящую надъ моей головой и давно къ ней приготовился,» — отвѣчалъ онъ спокойнымъ голосомъ: — «что прикажетъ Генераль Ермоловъ, такъ тому и быть, я предаю судьбу мою его волѣ.» — «Тебя и потому нельзя отпустить,» — продолжалъ я, — «что по возвращеніи на родину свою ты опять начнешь распространять нелѣпые слухи, возбуждать къ мятежу, непокорности и по прежнему примешься за разбой и грабительство.» — «Нѣтъ, вотъ этого ужъ никогда не будетъ,» — отвѣчалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ. — «Ты ошибаешься; напротивъ того, великодушное помилованіе заставитъ меня, «клянусь въ томъ Магометомъ, быть самымъ покорнымъ, вѣрнымъ, преданнымъ власти Великаго вашего Государя, которому мы теперь все покорились.» — «Если такъ, Богъ да проститъ твое согрѣшеніе, но Онъ же и сильно накажетъ, тебѣ, ежели ты нарушишь клятву, данную тобою именемъ твоего пророка. Прощайте, ступайте на родину вашу съ миромъ,» — прибавилъ я, обращаясь къ нему и къ прочимъ проводникамъ, — «живите покойно и знайте, что счастье и благоденствіе каждого изъ васъ лично и всего вашего народа «зависитъ отъ покорности сильному и могущественному Великому нашему Императору.»

Вскорѣ послѣ того освѣдомился я, что отрядъ нашъ приближается къ селенію. Я отправился на встрѣчу, представилъ Генералу сдѣланныя мною съемки и замѣчанія, и донесъ ему подробно обо всемъ случившемся со мною во время исполненія даннаго мнѣ порученія. Генераль одобрилъ всѣ дѣйствія и распоряженія мои, и былъ вполне доволенъ представленною мною съемкою.

Главнокомандующій, желая доставить отдыхъ войскамъ, подвизавшимся съ такимъ рвеніемъ, храбростію и неустрашимостію при покореніи Акушинской области, расположилъ

ихъ на нѣкоторое время по селеніямъ Шахмала Тарковского и отдалъ по Корпусу слѣдующій приказъ, который привелъ всѣхъ насъ въ восторгъ. Мы безпрестанно читали, повторяли этотъ приказъ и вскоре знали его наизусть:

«Труды ваши, храбрые товарищи, и усердіе къ службѣ проложили намъ путь въ средину владѣній Акушинскихъ, народа воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанъ. Страшными явились вы предъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостояли вамъ, разсѣялись и бѣгствомъ спасались спасеніе. Область покорена, и новые подданные Великаго Государя нашего благодарны за великодушную пощаду. Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ подлежать горы неприступныя, пути непроходимые; скажу волю Императора—и препятствія исчезаютъ передъ вами. Заслуги ваши имѣю долгомъ свидѣтельствовать предъ Государемъ Императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ Его милостями.»
